

Осень
выгоняет меня из парка,
сучит жидкую озимь
и плетется за мной по пятам,
ударяется оземь
шелудивым листом
и, как Парка,
оплетает меня по рукам и портам
паутиной дождя;
в небе прячется прялка
кисеи этой жалкой,
и там
гром гремит,
как в руке пацана пробежавшего палка
по чугунным цветам.

Аполлон, отними
у меня свою лиру, оставь мне ограду
и внемли мне вельми
благосклонно: гармонию струн
заменяю — прими —
неспособностью прутьев к разладу,
превращая твоё до-ре-ми
в громовую руладу,
как хороший Перун.

Полно петь о любви,
пой об осени, старое горло!
Лишь она своей шатер распростерла
над тобою, струя
ледяные свои
бороздящие суглинок сверла,
пой же их и криви
лысым теменем их острия,
налетай и трави
свою дичь, оголтелая свора!
Я добыча твоя.

1970—1971